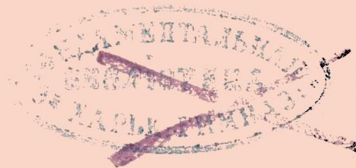

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНІЕ

КОЛЯДОКЪ и ЩЕДРИВОКЪ.

Н. Ө. Сумцова.

(Оттискъ изъ февральской книжки «Кіев. Стар.» за 1886 г.)

КІЕВЪ.
Типографія А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4-й.
1886.

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНІЕ КОЛЯДОКЪ И ЩЕДРИВОКЪ.

Накануне праздника Рождества Христова или на первый день праздника, вечеромъ, когда мягкій, таинственный полусвѣтъ разливается по усыпленной землѣ и на далекихъ небесахъ затеплятся, словно божественныя лампады, безчисленныя звѣзды, въ южно-русскихъ селахъ молодые парни (парубки) ходятъ веселыми толпами по улицамъ, останавливаются передъ окнами зажиточныхъ домохозяевъ и звонкимъ голосомъ поютъ величальныя пѣсни, уподобляя домохозяина солнцу, жену его лунѣ, дѣтей ихъ звѣздамъ и высказывая имъ пожеланія всякаго благополучія...

Да бувай здоровъ и въ вику довгій,
Самъ собою, зъ своею жоною,
Зъ усимъ родомъ.
Дай-же тоби, Боже, чого жадаешь,—
Здоровья въ твій домъ на челядочку,
Щастя на двиръ, на худобочку.

Далеко въ морозномъ воздухѣ несется радостная праздничная пѣсня и просвѣтляетъ духъ селянина, освѣжаетъ его сердце свѣтлой надеждой на счастье. Выглянувъ въ окошечко, крестьянинъ говоритъ колядовщикамъ: «весельтеся, весельте», т. е., веселитесь сами, себѣ на утѣху, и возвеселите мой домъ, мою семью. И въ хату врываются чистые звуки величальной пѣсни, врываются многообѣщающія пожеланія женить сына, выдать дочь замужъ, пожеланія урожая хлѣба и умноженія скота. Все тяжелое и смутное, что тревожитъ крестьянскую душу въ длинныя осеннія ночи, когда на соломенную крышу падаютъ крупныя капли холоднаго дождя, въ воздухѣ стоитъ сырая мгла и шумливый вѣтеръ врывается въ наклонившуюся на бокъ

дымовую трубу, угнетающія заботы, сомнѣнія и опасенія исчезають, забываются подъ обольстительнымъ вліяніемъ веселой праздничной пѣсни. Колядка очаровываетъ воображеніе чертами и образами неземнаго счастья, наполняетъ бѣдную жизнь фантастическимъ довольствомъ, изъ укромной и сумрачной хатенки ведетъ въ чертоги богача, гдѣ повсюду блеститъ золото и серебро, поднимаетъ слушателя въ лучезарныя надзвѣздныя пространства. Точно по мановенію волшебнаго жезла отворяется небо; взору смертнаго представляются святые престолы и золотые кресты, и сама Богоматерь вьетъ изъ розъ вѣнки, чтобы украсить ими чело земныхъ тружениковъ-хлѣборобовъ, достойныхъ божественной любви и ласки. Въ Рождественскихъ пѣсняхъ, колядкахъ и щедривкахъ, милосердное и сострадательное божество нисходитъ на землю, посѣщаетъ бѣдныя людскія жилища и щедрой рукой раздаетъ довольство и счастье. Солнце обнаруживаетъ родительскую заботливость о крестьянскомъ домохозяйствѣ. Мѣсяцъ дружелюбно разговариваетъ съ людьми и открываетъ имъ, въ какой хатѣ въ предстоящемъ году будетъ свадебное веселье. Добрый молодецъ колядокъ не простой парубокъ, а богатырь, пренебрегающій вороными конями и червонцами и любящій только дѣвушекъ-красавицъ. Дѣвушка въ колядкахъ не простая деревенская дивчина.

Въ хату пришла—паны стричають,
Паны стричають, шапки знимають,
Шапки знимають, іи питають:
Чи ты царивна? чи ты короливна?

Крестьянскій дворъ окруженъ бѣлокаменными стѣнами; ворота сдѣланы изъ желтой мѣди. Въ хатѣ столы накрыты дорогими коврами; на столахъ стоятъ кубки, наполненные виномъ. Подарки, которые парень вручаетъ молодой дѣвушкѣ, обладаютъ большими достоинствами: золотой перстень блеститъ, какъ огонь; нитки крупнаго жемчуга тяготятъ бѣлую шею. Даже конь въ колядкахъ не простой, общеизвѣстный деревенскій конь, малосильный, захудалый, принятый однимъ иностранцемъ путешественникомъ за животное особой породы—«conjaka». Золотая грива покрываетъ его широкую грудь; серебряныя копыта разбиваютъ подвернувшійся подъ ноги камень; глаза, подобные терновымъ ягодамъ, читаютъ всякое письмо,

Этотъ пѣсенный идеализмъ чего-нибудь да стоитъ. Вѣковая, личная и имущественная зависимость, понижавшаяся иногда до степени рабства, сокрушила-бы въ духовномъ отношеніи темнаго, безграмотнаго мужика, если-бы его не поддерживала постоянно чародѣйка пѣсня, уносящая мысль и чувство куда-то далеко, далеко, гдѣ и свѣтло, и тепло, и уютно. Удрученные бѣдствіями, угнетенные горемъ находятъ въ очаровательномъ мірѣ поэзіи утѣшеніе; озлобленные и ожесточенные—успокоеніе и миръ души. Горе, вылившееся въ пѣснѣ, дѣлается полугоремъ, и міръ, представленный черезъ призму поэзіи, получаетъ новую привлекательность.

Яковъ Гриммъ говоритъ, что народно-поэтическія сказанія носятся надъ дѣлами людей, какъ благоуханіе, и замѣчаетъ далѣе въ приложеніи къ историческимъ сказаніямъ и пѣснямъ: «прочнымъ шагомъ идетъ исторія; но и крылатое созданіе (народная пѣсня) сопровождаетъ ее. Его продолжительное посѣщеніе есть благо, которое дается не всѣмъ народамъ»... Нѣчто подобное можно сказать о колядкахъ, съ той поправкой, что это поэтическое благо и одному и тому-же народу не всегда дается. Въ приложеніи къ малорусскому народу слѣдуетъ замѣтить, что по мѣрѣ того какъ сельское населеніе въ послѣдніе годы колеблющимися шагами подвигается къ городской и фабричной цивилизаціи, крылатыя созданія—колядки и щедривки—все болѣе и болѣе оставляютъ его, изъ области дѣйствительности переходятъ въ область историческаго преданія.

Забвеніе и порча колядокъ и щедривокъ представляется частичнымъ явленіемъ общей порчи народной поэзіи. Золотой вѣкъ безъискусственной народной поэзіи прошелъ. Въ глухихъ мѣстахъ сѣверной Россіи и Малороссіи поэзія еще сохраняетъ свою свѣжесть, чистоту и изящество. Въ Россіи средней, восточной и западной художественное словесное творчество народа изсякло. Изсякла даже семейная лирическая поэзія, не говоря уже о поэзіи исторической, забытой даже въ Малороссіи, исконной колыбели русскаго художественнаго словеснаго творчества. Южно-русскіе кобзари, поющіе думы, и великорусскіе сказатели былинъ въ настоящее время извѣстны на перечеть. Русская наука внимательно слѣдитъ за ними, какъ за послѣдними могиканами исторической поэзіи. Малорусскія думы козацкаго періода забыты. Съ прекращеніемъ чумачества совсѣмъ забываются и чумацкія пѣсни. Переставъ творить новыя пѣсни съ

политическимъ оттѣнкомъ, народъ не долго довольствовался пѣснями старыми и сталъ забывать ихъ. Здѣсь вполнѣ оправдалось положеніе, что остановка въ развитіи, въ поступательномъ движеніи есть уже упадокъ и регрессъ.

По свидѣтельству людей, изучавшихъ современное состояніе крестьянства, въ промышленныхъ областяхъ средней Россіи и по Волгѣ прежній патріархальный типъ русскаго селянина сталъ вытѣсняться новымъ типомъ «фабричнаго крестьянина». Фабричный крестьянинъ, не смотря на обладаніе грамотностью, далеко уступаетъ крестьянину земледѣльцу въ интеллектуальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Не смотря на знакомство фабричнаго крестьянина съ городскими трактирами, онъ по прежнему вѣритъ въ «порчу», въ «сглазъ», въ домовыхъ, по прежнему бьетъ свою жену. Г. Нефедовъ замѣтилъ, что фабричные крестьяне по теченію Волги и ея притоковъ обнаруживаютъ наклонность къ франтовству: парни ходятъ съ бумажными зонтиками подъ мышкой, дѣвицы носятъ на платьяхъ панье. По словамъ г. Молчанова, въ новгородской губерніи деревенскія дѣвицы танцуютъ французскую кадриль; молодцы разгуливаютъ по улицамъ въ сюртукахъ и въ жилетахъ съ часами (Михневичъ, «Историч. Вѣстн.» 1880 г. XII. 754). Всѣ эти сюртуки, панье вносятся въ крестьянскій бытъ на ряду съ массой новыхъ, безъ разбору схваченныхъ на городской улицѣ, идей и понятій и измѣняютъ крестьянскую жизнь до неузнаваемости; искажается народный характеръ; вырабатывается презрѣніе къ старинѣ, въ особенности къ стариннымъ деревенскимъ пѣснямъ; портится языкъ. Истинно-народная, полная мелодіи и задушевности поэзія замѣняется фальшивыми и безнравственными трактирными пѣснями.

Печальное оскудѣніе художественнаго словеснаго творчества обнаруживается и въ малорусскихъ пѣсняхъ новѣйшаго происхожденія. Жалобы на упадокъ малорусской народной поэзіи встрѣчаются въ беллетристическихъ произведеніяхъ, этнографическихъ изслѣдованіяхъ и газетныхъ корреспонденціяхъ. Такъ, въ разсказѣ г-жи А. Шабельской «Параска» находится указаніе, что «новыя пѣсни» по большей части ничѣмъ не связаны съ деревней; они говорятъ о чемъ-то чуждомъ мужицкому сердцу (Наброски карандашемъ, стр. 41). Г. Твердохлѣбовъ въ статьѣ о г. Ахтыркѣ, указывая на то обстоятельство, что ахтырскіе простолюдины относительно одежды сохра-

нили черты своихъ предковъ козаковъ, при этомъ замѣчаетъ, что и въ Ахтыркѣ «старинные обычаи и особенно пѣсни уступаютъ исподоволь мѣсто новѣйшимъ, солдатскимъ и фабричнымъ» («Харьковскій календарь», 1886 г., стр. 124). Въ помѣщенной въ 286 № «Зари» за 1884 г. корреспонденціи изъ Чигирина, между прочимъ, находится сѣтованіе на упадокъ малорусской народной поэзіи. «Несомнѣнно, говоритъ корреспондентъ, что отхожіе промыслы вносятъ въ мѣстную жизнь нѣкоторое растлѣніе нравовъ и значительно нарушаютъ добрые старые обычаи. Нѣтъ той тихой патріархальной жизни, которою издавна славился малороссъ; нѣтъ той глубокой привязанности къ домашнему очагу, и поэтическая прелесть народной пѣсни отходитъ во времена минувшія. Молодые люди, побывавъ на заработкахъ, ведутъ себя вольнѣе и развязнѣе и, можно сказать, нахальнѣе прежняго. Поютъ уже не мелодичныя украинскія пѣсни «про соловейка, зозульку и ясный мисяць», а дуютъ убійственнымъ жаргономъ, смѣсью великорусскаго съ малорусскимъ:

У матроса кудри вьютца,
А въ дѣвчонки слезы льютца.
Эй, горе, горе не бѣда,
Каво люблю тай нема и т. д.

Поютъ также:

Ай жги, жги гавари,
Жена мужу бай гавари.

Мотивъ уцѣлѣвшихъ народныхъ пѣсенъ значительно разнится отъ мелодій, господствующихъ въ центральныхъ уѣздахъ кіевской губерніи. Свадебныя пѣсни, напр., носятъ характеръ чего-то дикаго... Поютъ ихъ обыкновенно на одной нотѣ визгливымъ, пронзительнымъ унисономъ, заканчивая каждое четверостишіе отвратительнымъ возгласомъ: у-а-а-ахъ! На сколько-нибудь развитое ухо мотивъ чигиринскихъ свадебныхъ пѣсенъ дѣйствуетъ убійственно».

Порча обычая колядованія выражается въ томъ, что колядованіе съ кануна праздника переносятъ на первый день праздника Рождества Христова, или на второй, третій, пятый (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиціи), на масляницу (въ ярославской губерніи); теряется различіе между колядками и щедривками, въ содержаніе колядокъ вносятся смутно понятые апокриѳическіе мотивы; ослабляется свойственный

колядкамъ тонъ серьезнаго величія и задушевности, слабѣетъ сила выраженія, правильность стиха и чистота языка. Лучшія колядки сохранились въ Галиціи, у карпатскихъ горцевъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ родъ поэтическаго творчества, почти совсѣмъ забытый въ Великороссіи, и въ Малороссіи повсемѣстно выходитъ изъ употребленія. Колядка, какъ опредѣленная форма поэтическаго творчества, обветшала, и народное вниманіе начинаетъ склоняться къ выступившему на ея замѣну духовному стиху.

Научное изученіе колядокъ представляетъ большой и разнообразный интересъ. Изслѣдователи прошлыхъ судебъ народной жизни, прошлаго народнаго быта останавливаются на различныхъ наслоеніяхъ въ колядкахъ: одни на религіозно-миѳическихъ остаткахъ древняго язычества, другіе на христіанско-легендарныхъ элементахъ колядокъ. Изслѣдователя современнаго состоянія народной жизни естественно интересуетъ вопросъ, какую роль играетъ колядка въ бытовой жизни народа и въ его нравственныхъ понятіяхъ о добромъ и прекрасномъ. На изученіи колядокъ и щедривокъ отражались всѣ главные измѣненія въ направленіи историко-литературныхъ работъ, главныя успѣхи историческихъ и филологическихъ знаній. Съ развитіемъ научной разработки миѳологіи, и къ объясненію колядокъ была приложена миѳологическая теорія происхожденія повѣрій, сказаній и обрядовъ. Затѣмъ, когда въ наукѣ возобладала теорія заимствованія повѣрій, пѣсенъ и обрядовъ, въ цѣломъ или въ частяхъ, въ отдѣльныхъ подробностяхъ, теорія эта также была приложена къ объясненію колядокъ и, не объясняя ихъ вполнѣ, тѣмъ не менѣе во многомъ помогла опредѣлить ихъ внутренній составъ. Разсматривали колядки, какъ матеріалъ историческій, опредѣляющій отраженіе въ народной памяти и фантазіи нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ древне-русской жизни. Были попытки выдѣленія изъ колядокъ житейскихъ, бытовыхъ явленій крестьянской жизни, напримѣръ, почитанія и прославленія хлѣба. Нельзя поэтому не признать, что изслѣдованіе литературы колядокъ, по крайней мѣрѣ, опредѣленіе въ систематическомъ порядкѣ ея главныхъ явленій представляетъ привлекательную и важную задачу.

Во всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ о колядкахъ говорится преимущественно о малорусскихъ колядкахъ. Такъ, въ главномъ

явленіи литературы этого предмета, «Обзорѣ поэтическихъ мотивовъ колядокъ» А. А. Потебни, разсмотрѣніе всякаго колядочнаго мотива начинается съ малорусскаго варіанта. Нѣкоторое исключеніе представляетъ лишь сравнительно-литературное изслѣдованіе о колядкахъ А. Н. Веселовскаго, гдѣ выдвинута на первое мѣсто румынская колядка, не въ силу, однако, какихъ-либо свойственныхъ ей преимуществъ, а въ силу прежде всего наклонности почтеннаго автора сводить рождественскіе обряды и пѣсни къ предполагаемому грекоримскому источнику, и за тѣмъ въ силу того обстоятельства, что А. Н. Веселовскій въ данномъ случаѣ опирался преимущественно на румынскаго ученаго Теодореску. Особенное вниманіе ученыхъ къ малорусскимъ колядкамъ объясняется ихъ многочисленностью, полнотою и художественными достоинствами.

Изученіе колядокъ съ миѳологической точки зрѣнія, начатое Снѣгиревымъ въ тридцатыхъ годахъ, съ наибольшей отчетливостью и. нужно добавить, со всѣми крайностями односторонней научной теоріи выразилось въ «Опытѣ историческаго обозрѣнія русской словесности» О. Ѳ. Миллера (ч. I, стр. 27—42) и въ «Поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу» Аѳанасьева (преимущественно въ III томѣ, стран. 752—760). О. Ѳ. Миллеръ опредѣляетъ миѳическое значеніе колядокъ о трехъ теремахъ, о рожденіи солнца, о зарѣ, о громовникѣ и о мірозданіи. Примѣненіе свѣтилъ небесныхъ къ домохозяину и его семьѣ объяснено древнимъ вѣрованіемъ славянскихъ народовъ въ существованіе самостоятельной семьи небесной, златоверхіе теремы—символизаціей небесныхъ пространствъ, освѣщенныхъ солнцемъ, быстрое развитіе младенца Христа въ колядкахъ—исполински развивающимися силами весенней природы. Мать—дѣва, омывающая младенца въ ключевой водѣ, по миѳологической теоріи происходитъ отъ сохранившейся въ загадкахъ красной дѣвицы. роняющей ключи-росу, т. е. антропоморфическаго образа зори, вино—отъ небесной влаги, дождя, райскія пташечки, выпивающія вино, это лучи солнечные, красивый молодецъ колядокъ—богъ громовникъ, золотая труба, въ которую онъ трубитъ и звуки которой приводятъ въ трепетъ людей и животныхъ—громъ и молнія. Аѳанасьевъ также находитъ въ колядкахъ и щедривкахъ «черты народныхъ воззрѣній,

идущія изъ глубочайшей древности,... преданія и образы, принадлежащіе язычеству». Купаніе новорожденнаго Бога въ морѣ, появленіе въ домѣ свѣтилъ небесныхъ и святыхъ, «красный паничъ», подбрасывающій золотыя яблоки и перебирающій серебреные орѣшки, златорогіе волы—всѣ эти и другіе сходные имъ поэтическіе мотивы колядокъ объяснены Аѳанасьевымъ исключительно съ миѳологической точки зрѣнія, какъ символическое выраженіе солнца, грозы, молніи и т. п. Въ новѣйшихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, наприм., изслѣдованіи А. А. Потебни о колядкахъ и щедривкахъ, какъ и слѣдовало ожидать, сильно ограничена миѳическая сторона колядокъ и щедривокъ. Многое устранено, какъ подлежащее болѣе основательному объясненію съ точки зрѣнія литературнаго и бытоваго заимствованія. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать присутствія въ колядкахъ и щедривкахъ преданій, принадлежащихъ славянскому язычеству, религіозно-поэтическихъ представленій о внѣшнихъ силахъ и явленіяхъ природы. Къ числу наиболѣе крупныхъ религіозно-миѳическихъ элементовъ колядокъ и щедривокъ принадлежатъ запѣвы съ Авсеня, съ восхода солнца, образъ чудеснаго дерева и нѣкоторые другіе.

При изученіи колядокъ и щедривокъ съ миѳологической точки зрѣнія въ основу клали малорусскія колядки и щедривки; но извлекаемые при этомъ выводы и предположенія относились къ отдаленному періоду въ жизни славянскаго племени, періоду до-историческому; вопросъ о значеніи собственно малорусской колядки въ ряду колядокъ славянскихъ, о трудѣ малорусскаго народа въ ея разработкѣ даже не затрогивался. Историко-литературные, археологическіе, историческіе, современно-бытовые и филологическіе элементы малорусскихъ колядокъ и щедривокъ въ сочиненіяхъ Миллера и Аѳанасьева пройдены молчаніемъ.

Уже Кулишъ въ «Запискахъ о южной Руси» высказалъ мнѣніе, что въ щедривкахъ находятся воспоминанія о древне-русскихъ князьяхъ. Мнѣніе это было впослѣдствіи распространено и на колядки, преимущественно въ изслѣдованіи Костомарова «Объ историческомъ значеніи южно-русской народной поэзіи» въ «Бесѣдѣ» 1872 г. Въ 1874 году вышелъ первый томъ «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» съ объясненіями В. Антоновича и М. Дра-

гоманова. Выдѣляя въ малорусской исторической поэзіи пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго въ особый отдѣлъ, В. Антоновичъ и М. Драгомановъ внесли сюда колядки и щедривки. «Нынѣшнее, преимущественно праздничное употребленіе этихъ пѣсенъ, говорится по этому поводу въ предисловіи, дѣлаетъ изслѣдователей наклонными къ апріорному мнѣнію, что въ нихъ можно найти исключительно миѳически-религіозный матеріалъ. Между тѣмъ, если даже не касаться той стороны дѣла, что вездѣ эпосъ историческій связывался съ эпосомъ миѳическимъ, врядъ-ли теперь *a priori* можно оспаривать то предположеніе, что если въ колядкахъ и щедривкахъ, не носящихъ на себѣ слѣдовъ христіанства, слѣдуетъ искать остатка древнѣйшаго русскаго славословія богамъ, то въ колядкахъ-же и щедривкахъ надо искать и древнѣйшихъ славословій героямъ и князьямъ». Исходя изъ этой мысли, издатели историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа на первыхъ-же страницахъ своего сборника предлагаютъ нѣсколько колядокъ, усматривая въ одной колядкѣ указаніе на образованіе дружиннаго отряда, въ другой указаніе на вождей дружины, въ третьей на раздѣлъ добычи между вождемъ и дружиною, въ четвертой на отраженіе набѣга, въ пятой указаніе на Ивана Берладника, въ шестой на князя Романа Волынскаго и т. д. Издатели не поскупились на объясненія и примѣчанія къ пѣснямъ. «Нужно замѣтить, писалъ по этому поводу г. Н. П. въ «Трудахъ кіев. дух. акад.» (1875 г. X. 156), что эти примѣчанія говорятъ гораздо больше, чѣмъ самая пѣсня, ими объясняемая. Какое нибудь собственное имя, попавшееся въ пѣснѣ, даетъ собирателямъ поводъ отыскивать въ лѣтописяхъ и запискахъ современниковъ подходящее имя и собирать всевозможныя историческія свѣдѣнія о немъ. Извѣстная историческая личность, вслѣдствіе этого, выступаетъ въ примѣчаніяхъ составителей сборника со всею рельефностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко возникаетъ вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли пѣсня говоритъ о томъ именно лицѣ и событіи, о которомъ (говорятъ) и примѣчанія составителей». Костомаровъ въ обширной и весьма содержательной рецензіи въ XII кн. «Вѣстника Европы» 1874 г. (стр. 527—629), не отрицая вообще присутствія историческаго элемента въ колядкахъ и щедривкахъ, въ частности не признаетъ историческими нѣкоторыя колядки, щедривки и гаивки, вошедшія въ сборникъ, напримѣръ, гаивки о Воротарѣ. «Въ числѣ

пѣсенъ, замѣчаетъ Костомаровъ, отнесенныхъ къ разряду пѣсенъ дружиннаго и княжескаго вѣка, нѣтъ ни одной, о которой можно было-бы сказать положительно, что она относится къ такому-то лицу или такому-то событію, извѣстнымъ намъ по лѣтописямъ... Неприложимость этихъ пѣсенъ къ единичнымъ лицамъ и событіямъ древне-русской исторіи не умаляетъ ихъ важнаго значенія для нашей бытовой исторіи». Костомаровъ не допускаетъ возможности, чтобы пѣсня, сложенная первоначально о какомъ-либѣ лицѣ или относившаяся нѣкогда исключительно къ одному какому-нибудь событію, могла сдѣлаться колядкою и примѣняться впослѣдствіи къ разнымъ лицамъ, въ родѣ церковнаго тропаря въ честь извѣстнаго разряда святыхъ угодниковъ, куда вмѣсто имрекъ стоитъ только вставить собственное имя, чтобы тропарь былъ пригоденъ къ лицу съ этимъ собственнымъ именемъ. Скорѣе колядка могла-бы обратиться въ пѣсню о какомъ нибудь событіи, какъ уже готовый матеріалъ, по сходству общихъ чертъ съ обстоятельствами случившагося событія. «Мы думаемъ, говоритъ Костомаровъ, что черты древняго дружиннаго и княжескаго вѣка, нѣкогда пережитаго народомъ, входили въ колядки не по воспоминанію о томъ или другомъ лицѣ, въ которомъ, по лѣтописямъ нашимъ, мы можемъ эти черты подмѣтить, а потому; что эти черты были вообще присущими нравамъ народа, складу его жизни, условіямъ его общественнаго строя, его нравственнымъ воззрѣніямъ и поэтическому вкусу». Указывая на неполноту взгляда гг. издателей на историческое въ памятникахъ народной поэзіи, какъ на отраженіе измѣненій исключительно общественнаго строя народа, Костомаровъ находитъ болѣе правильнымъ считать историческими народными пѣснями всѣ тѣ пѣсни, гдѣ выражается движеніе народной жизни въ какой-бы то ни было вѣтви ея», религіозно-обрядовой, общественной, семейной или экономической.

Не смотря на преднамѣренное исключеніе гг. издателями изъ сборника пѣсенъ, касающихся прошлаго состоянія религіозности, семьи и экономіи народа и не смотря на частныя погрѣшности въ примѣненіи колядокъ и щедривокъ къ отдѣльнымъ историческимъ лицамъ и событіямъ, сборникъ оказался настолько свѣтлымъ и свѣжимъ явленіемъ въ наукѣ, что вызвалъ многочисленныя рецензіи и критики и почти всеобщую похвалу, даже съ такой стороны, гдѣ

можно было ожидать лишь тенденціознаго порицанія. Кромѣ упомянутыхъ отзывовъ Костомарова и г. Н. П., въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ о сборникѣ дали отзывы Котляревскій, Н. Веселовскій, О. Ѳ. Миллеръ, г. Рамбо, А. А. Потебня. Найболѣе подробнымъ былъ отзывъ Костомарова.

Нужно при этомъ замѣтить, что между взглядами на историческое значеніе колядокъ и щедривокъ В. Б. Антоновича и Н. И. Костомарова съ одной стороны и взлядами на тотъ-же предметъ со стороны нѣкоторыхъ рецензентовъ, напр. г. Н. П. въ «Трудахъ кіев. дух. акад.» съ другой стороны, обнаружилось принциніальное различіе. «Дѣлая примѣчанія, мы руководствовались, говорятъ гг. издатели сборника, кромѣ объясненія состава пѣсни, именъ и важнѣйшихъ предметовъ, въ ней упоминаемыхъ, главнымъ образомъ желаніемъ выписать изъ прозаическихъ источниковъ, туземныхъ и иностранныхъ, какъ можно болѣе матеріалу для того, чтобы можно было судить, насколько пѣсни, сохранившіяся въ памяти поселянина малорусскаго въ теченіи столькихъ вѣковъ, представляютъ поэтическое воспроизведеніе реальныхъ образовъ дѣйствительности этихъ вѣковъ, послѣдовательно смѣнявшейся». Въ другомъ мѣстѣ предисловія къ сборнику говорится, что объясненіе и систематическая группировка малорусскихъ пѣсенъ не только послужатъ источникомъ для исторіи малорусскаго народа, но и дадутъ возможность вѣрно оцѣнить творческую силу самаго народа, произведшаго и удержавшаго пѣсни въ памяти въ теченіе вѣковъ. Издатели хорошо знаютъ, что среди пѣсенъ есть бродячія, есть и поддѣльныя; и тѣ, и другія при этомъ выдѣляются, или совсѣмъ устраняются или объяснены сравнительно-литературными примѣчаніями. Важно то, что цѣль намѣчена вполнѣ ясно и отчетливо, что малорусская колядка и щедривка въ одномъ отношеніи, именно историческомъ, изучаются, какъ органическое проявленіе малорусской жизни, въ связи съ тою краевой почвой, которая ихъ возростила. Г. Н. П. въ своей рецензіи въ «Трудахъ кіев. дух. акад.» заботится прежде всего объ опредѣленіи родственныхъ связей Малороссіи съ Великороссіей и съ этою цѣлью стремится къ установленію тѣсной генетической связи между щедривками, колядками и гаивками съ одной стороны и великорусскимъ былиннымъ эпосомъ съ другой. Колядки, щедривки и гаивки являются у рецензента «мелкими произведеніями народной словесности», «зача-

точной поэзіей,» «первобытной словесностью,» «первобытнымъ достояніемъ славянъ, вынесеннымъ ими изъ арійской прародины своей и лишь слегка примѣненнымъ къ семейному и родовому быту нашихъ предковъ, который предшествовалъ эпохѣ княжеской.» Выходитъ, такимъ образомъ, что «эта первобытная словесность, воспринявъ въ слабой мѣрѣ слѣды исторической, княжеской эпохи, главнымъ образомъ сообщала темы для сѣверно-русскаго былеваго эпоса, развивавшаго эти темы подъ особыми историческими и географическими условіями» (т. X ст. 147). Разъ малорусская колядка поставлена въ такое служебное положеніе, естественно все вниманіе изслѣдователя должно перейти на сѣверно-русскую былину.

Въ сборникѣ Кольберга «Pokucie» (Krakow 1882 и 1883 г.) находятся, между прочимъ, двѣ галицкія колядки съ чертами вѣка дружиннаго и княжескаго. Указывая на сходство этихъ колядокъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ съ великорусскими былинами, М. Е. Халанскій въ своей диссертаціи о великорусскихъ былинахъ замѣчаетъ: «Болѣе точное и всестороннее обслѣдованіе малорусской пѣсенности должно выяснить дѣйствительныя отношенія великорусскихъ историческихъ воспоминаній къ малорусскимъ, равнымъ образомъ, опредѣлить дѣйствительную сумму малорусскихъ воспоминаній о до-казацкихъ временахъ. Наиболѣе пользы въ этомъ отношеніи должно принести изученіе малорусской народной поэзіи безъ великорусскихъ тенденцій. Не съ великорусскими былинами въ рукахъ, а съ лѣтописью нужно отыскивать слѣды древней исторіи въ современной малорусской пѣсенности. Не нужно считать непремѣнно древнимъ, старо-кіевскимъ только то въ малорусскихъ сказаніяхъ, о чемъ говорится въ великорусскихъ былинахъ. Данныя великорусскихъ былинъ сами по себѣ еще не могутъ служить критеріемъ древности извѣстнаго эпическаго факта. Сходныя черты въ сказаніяхъ малоруссовъ и великоруссовъ должны быть и онѣ есть: объясняются онѣ кровнымъ племеннымъ родствомъ и долговременнымъ сосѣдствомъ; но есть и разница между ними: причина ея лежитъ въ своеобычіи племенъ, составлявшемъ основную черту древней русской исторіи. Быть можетъ въ результатѣ изслѣдованія окажется, что малоруссы не уступаютъ великоруссамъ, если не въ количествѣ, то въ качествѣ воспоминаній о древнихъ (до-козацкихъ) временахъ» (Русск. Филолог. Вѣстн. 1885 г., т. III, стр. 151—152).

А. Н. Веселовскій въ 32 томѣ «Сборника отдѣленія рус. яз. и слов. акад. наукъ» 1883 г. предложилъ обширное изслѣдованіе о румынскихъ, славянскихъ и греческихъ колядахъ. Коляды разсмотрѣны имъ въ четырехъ главахъ: въ первой ихъ языческій элементъ, во второй христіанскіе мотивы колядокъ, въ третьей бытовые ихъ мотивы и въ четвертой мотивы балладные, эпическіе. Особнякомъ при этомъ стоитъ пространное и полное живаго интереса изслѣдованіе о святочныхъ маскахъ и скоморохахъ. Объ этомъ изслѣдованіи А. Н. Васеловскаго недавно говорилъ А. Н. Пыпинъ на страницахъ Вѣстника Европы и, такъ какъ оно не имѣетъ прямаго отношенія къ колядкамъ, то здѣсь можетъ быть опущено.

Въ небольшомъ введеніи къ изслѣдованію предложенъ краткій очеркъ римскихъ, осеннихъ и зимнихъ, праздниковъ: сначала очеркъ Врумалій въ честь ѳракійскаго Діониса отъ 24 ноября до 17 декабря, потомъ Сатурналій и Опалій отъ 17 до 23 декабря, Вотъ отъ 23 декабря до 1 января и наконецъ Каландъ отъ 1 до 5 января, которыя завершали цѣлый праздничный циклъ и празднованіе которыхъ было обще всему греко-римскому міру. «Это былъ праздникъ общей радости, братавшей сословія, возрасты и положенія; столованье и особливо попойки были въ разгарѣ... Въ ночь на 1 января веселая толпа бродила по улицамъ, съ пѣснями и плясомъ, свистомъ и гамомъ, стучась въ дома и будя хозяевъ шутками и насмѣшками. Рядились, дарили другъ друга, сыпали деньгами и попрошайничали»...

Останавливаясь на языческомъ элементѣ колядокъ, А. Н. Веселовскій отводитъ обширное мѣсто вліянію греко-римскихъ каландъ на славянскіе рождественскіе обряды и пѣсни. «Языческому чествованію новолѣтія, говоритъ А. Н. Веселовскій, подразумѣвая грекоримское язычество, церковь противопоставила свой собственный праздничный циклъ, рождественскій (съ 24 декабря по 6 января), языческимъ воспоминаніямъ—христіанскія, древнимъ маскамъ и играмъ—хожденіе со звѣздою и царями волхвами.... Старое и новое празднества стали рядомъ другъ съ другомъ, не безъ взаимнаго вліянія въ обѣ стороны: элементъ гаданія и пожеланій, ряженья и подачекъ объясняются въ чертѣ языческой обрядности; пѣсни о плугѣ, первоначально ей принадлежавшія, встрѣчаются въ числѣ малорусскихъ рождественскихъ колядокъ, какъ, наоборотъ, христіанскіе сюжеты послѣднихъ (святые гости, хожденіе Богородицы и т. п.)

проникли въ щедривки, т. е., пѣсни пріуроченныя къ чествованію языческаго новолѣтія, вмѣстѣ съ именами христіанскихъ святыхъ: свв. Василія (1 янв.) и Меланіи (31 дек.). Колядки пріютились подъ сѣнь церкви, взявшей подъ свой покровъ и рождественскую мистерію; онѣ поются въ Румыніи на ладъ священныхъ пѣсенъ, въ Малороссіи членами церковныхъ братствъ; это напоминаетъ колядныя общества средневѣковой Европы (fratres calendarum). Далѣе А. Н. Веселовскій останавливается на группѣ обычаевъ аграрнаго характера, какъ матеріалѣ святочнаго обряда и поэзіи, на «усенѣ» или «овсенѣ», сближаемомъ съ Сатурномъ по предполагаемому корню *sa*, *serere* въ Сатурнѣ и *сѣ*, сѣять (сл. причастія *сѣнъ* въ Усенѣ), на обрядномъ употребленіи свинаго мяса на рождественскихъ святкахъ, въ связи съ жертвоприношеніемъ свиньи въ римскомъ обиходѣ Сатурналій, на мимическомъ подраженіи «паканію» у галичанъ, малорусскихъ и румынскихъ плуговыхъ пѣсняхъ и встрѣчающихся въ малорусскихъ, румынскихъ и греческихъ колядкахъ пожеланіяхъ урожая. Изъ деталей представляетъ интересъ сближенія малорусскаго главнаго колядовщика «березы» съ румынскимъ названіемъ колядовщика «брезай» и съ болгарскимъ названіемъ святочной маски «брезая». Въ статьѣ о святочныхъ скоморохахъ А. Н. Веселовскій находитъ, что этимологія словъ *брезай*—береза (санскр. bhraj-fulgeo, румын. breoz= пестрый, разноцвѣтный) приводитъ къ обычному костюму древнихъ мимовъ, такъ назыв. centunculus, пестрому платью, сшитому изъ разноцвѣтныхъ лохмотьевъ.

Указывая въ началѣ обзора христіанскихъ мотивовъ колядокъ на большое сходство румынскихъ и малорусскихъ колядокъ, г. Веселовскій предполагаетъ перенесеніе готовыхъ типическихъ и символическихъ образовъ изъ одной среды въ другую, именно, изъ румынской и, можетъ быть, греческой въ южнорусскую. «Вмѣстѣ съ проповѣдью христіанства, говоритъ г. Веселовскій, могли переселяться не только церковные, но и народные обряды, удержавшіеся случайно подъ сѣнію церкви и прикрытіемъ хрістіанскаго святаго, а съ обрядомъ переселялись и сопровождавшія его пѣсни—оргиналы нашихъ щедривокъ, какъ тѣмъ-же путемъ могли заходить оригиналы собственно христіанскихъ, рождественскихъ пѣсенъ... Святочный циклъ, обнимавшій время отъ Рождества до Крещенія, исчерпывался главнымъ образомъ идеями обоихъ празднествъ; но вокругъ нихъ сгруп-

пировались другія, по аналогіи и смежности, по наивному смѣшенію, иногда по глубокому символизму: отъ рожденія Спасителя колядка переходила послѣдовательно къ его страданію, охватывая весь циклъ евангельскихъ повѣстей и апокриѳовъ о жизни Христа и обобщая ихъ въ своемъ образномъ символизмѣ.» Указывая въ колядкахъ сюжеты, навѣянные христіанскими воспоминаніями, г. Веселовскій указываетъ на слѣдующіе христіанскіе мотивы малорусскихъ и сродныхъ съ ними румынскихъ колядокъ.

Крещеніе Спасителя, понятое простодушно, какъ крещеніе совершенное надъ младенцемъ Іисусомъ. Богородица купаетъ—креститъ Спасителя; пеленаетъ Его въ шелковыя пеленки, бѣлитъ ризы Господа на тихомъ Дунаѣ.

Дерево или три дерева на горѣ; изъ нихъ рубятъ кресты, стявятъ церковь.

Въ чистомъ полѣ стоитъ груша; съ нея упала роса на траву, стала криница. Господь и св. Петръ купаются въ ней и пререкаются, что больше, земля или небо. Дерево въ иныхъ варіантахъ замѣняется церковью.

Происхожденіе вина (или Дуная) изъ крови, пролитой Спасителемъ на крестѣ; о страданіяхъ Христа и проклятой ивѣ.

Исканіе, преслѣдованіе жидами новорожденнаго Спасителя въ лѣсу, травѣ, горахъ.

Проклятіе «осики» и «терня» за то, что они не поклонились Христу во время бѣгства Богоматери въ Египетъ.

Выбранные изъ колядокъ христіанскіе мотивы служатъ достаточнымъ доказательствомъ общаго положенія о присутствіи въ колядахъ христіанскаго элемента. Нельзя однако не замѣтить, что подъ нѣкоторыми изъ приведенныхъ мотивовъ, напримѣръ мотивами о деревѣ и винѣ, лежатъ образы древняго миѳа, быть можетъ, основнаго славянскаго или даже арійскаго, и самое христіанское наслоеніе можетъ относиться къ весьма позднему времени.

При разсмотрѣніи бытовыхъ мотивовъ колядокъ А. Н. Веселовскій останавливается почти исключительно на свѣтскомъ сюжетѣ идилически-сентиментальной любви, встрѣчающемся въ румынскихъ колядкахъ. Въ малорусскихъ колядкахъ и щедривкахъ ничего подобнаго не встрѣчается. Малорусская колядка серьёзна, и эротическій элементъ почти не коснулся ея. Остановившись на бытовыхъ чер-

тахъ балладнаго характера, А. Н. Веселовскій обходитъ молчаніемъ малорусскія колядки, такъ какъ встрѣчающіяся въ нихъ бытовыя черты совсѣмъ другаго характера. Въ одномъ только мѣстѣ г. Веселовскій мимоходомъ указываетъ на встрѣчающійся въ малорусской колядкѣ мотивъ: на шелковой травѣ стоитъ наметъ, гдѣ на золотомъ стулѣ сидитъ «можный панонько»... «двома яблучки пидкидаючи»... «Швыряніе яблока, палицы, буздыгана, копья подъ облака и подхватываніе ихъ руками является выраженіемъ удали, общимъ эпическимъ мѣстомъ, встрѣчающимся и въ греческомъ, и во французскомъ эпосѣ» (стр. 260). Въ общемъ замѣчаніе это несомнѣнно вѣрно; но въ частности, въ приложеніи къ подбрасыванію яблока, можетъ быть другое толкованіе. Мнѣ кажется, что подбрасываніе яблока прежде, чѣмъ сдѣлаться въ пѣсняхъ выраженіемъ удали,— по аналогіи съ подбрасываніемъ палицы, было въ дѣйствительной жизни опредѣленнымъ свадебнымъ дѣйствіемъ, позднѣе обрядомъ, и лишь постепенно перешло отъ частнаго значенія свадебнаго обряда въ locus communis народной поэзіи. У сербовъ женихъ бросаетъ въ свояченицу яблокомъ; она отвѣчаетъ ему тѣмъ-же. У поляковъ, чеховъ и сербовъ или женихъ даритъ на свадьбѣ яблоко невѣстѣ или невѣста жениху. Въ черногорской свадебной пѣснѣ:

Прстен дава Янко харамбаша,
За прстеном ябуке се маша,
У ню мече до десет дуката,
Све дуката от чистого злата.

У болгаръ позолоченное яблоко втыкаютъ на верху свадебнаго знамени. Встрѣчается обрядовое яблоко и въ классической древности; у грековъ и римлянъ молодые послѣ свадьбы ѣли айву, чтобы были дѣти. Основное значеніе свадебнаго яблока, какъ символа солнца, въ славянскихъ обрядахъ и пѣсняхъ выразилось ясно и отчетливо, напримѣръ, въ малорусской пѣснѣ:

Котилось яблучко
Съ горы до долу;...
Часъ вамъ, дивочки,
Изъ гуляння до дому.

Какъ извѣстно, у древнихъ египтянъ и персовъ яблоко также было символомъ солнца. Обрядное употребленіе яблока на свадьбахъ,

какъ символъ чадородія, представляетъ дальнѣйшее развитіе символическаго его значенія; въ связи съ свадебнымъ обряднымъ яблокомъ стоитъ пѣсенный мотивъ подбрасыванія яблока для обозначенія, сначала, пожеланія плодородія, потомъ для обозначенія удали.

Останавливаясь на балладныхъ, эпическихъ мотивахъ колядкахъ, А. Н. Веселовскій замѣчаетъ, что колядки «свѣтскаго» содержанія развились изъ элемента пожеланій и славленія непремѣнно присутствующаго въ рождественской пѣснѣ и видоизмѣнявшагося, смотря по возрасту, полу и состоянію тѣхъ членовъ хозяйской семьи, къ которымъ обращались колядовщики. Хозяину сулилось семейное счастье и довольство, дѣвушкѣ счастливый бракъ и любовь, какъ рыбаку удача. Эпическая обработка этого мотива представляла это желанное осуществившимся: хозяинъ живетъ въ довольствѣ и счастливъ семьею, молодецъ — любовью и т. д. Созданная такимъ образомъ поэтическая гипотеза развивалась въ колядкѣ реальными чертами, и это открывало въ ея циклъ доступъ готовымъ пѣсеннымъ, лирическимъ и балладнымъ сюжетамъ, иногда сказочнымъ мотивамъ, насколько тѣ и другіе являлись примѣнимыми къ данному лицу и положенію... Чѣмъ богаче былъ жизненный путь, открывавшійся впереди тому или другому лицу, тѣмъ разнообразнѣе должно было быть содержаніе относящихся къ нему колядокъ. Отъ того колядки, обращенныя къ дѣвушкѣ, бѣднѣе обращенныхъ къ мальчику, парню, которыхъ могли ожидать впереди обаяніе власти и славы подвиговъ. Идеалъ «брани», преимущественно воспѣваемый въ колядкахъ этого рода, можетъ служить относительнымъ указаніемъ ихъ древности». Поясняя далѣе свои положенія примѣрами, А. Н. Веселовскій отрицаетъ реальное содержаніе въ малорусской колядкѣ (у Чубинскаго, № 1): «мать годуетъ, выправляетъ сына и посылаетъ въ войско, гдѣ, не смотря на ея совѣтъ—держаться позади, онъ выѣзжаетъ впередъ, совершаетъ чудеса храбрости и беретъ въ плѣнъ турецкаго царя». Нельзя признать за этимъ отрицаніемъ достаточнаго основанія. Малорусскія пѣсни о Коновченкѣ или Вдовиченкѣ и другія сродныя по мотиву, совокупно съ обозначенной, повидимому, выродившейся изъ исторической пѣсни колядкой, такъ полны жизни, настолько реальны въ бытовомъ смыслѣ, что невольно возникаетъ мысль о мѣстномъ, южно-русскомъ ихъ происхожденіи, и предлагаемая авторомъ для сравненія румынская ко-

лядка, крайне далекая по содержанію и тону отъ малорусской колядки, не даетъ повода видѣть здѣсь заимствованіе пѣсеннаго мотива или пѣсенное locus communis. Гораздо убѣдительнѣе представляется высказываемое въ концѣ изслѣдованія мнѣніе о близкомъ родствѣ встрѣчающихся въ малорусскихъ и румынскихъ колядкахъ мотивовъ «похвальбы конемъ» и «бесѣды коня съ молодцомъ».

Обзоръ поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедривокъ» А. А. Потебни, растянувшійся въ «Русск. Филолог. Вѣстникѣ» 1884 и 1885 годовъ, уже въ той своей части, которая напечатана, представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ научную разработку народной поэзіи. Прежде колядка служила средствомъ, пособіемъ: изученіе колядокъ обусловливалось желаніемъ опредѣлить религіозно-миѳическое міросозерцаніе народа или отыскать въ современной жизни народа воспоминанія о давно прошедшихъ историческихъ лицахъ и событіяхъ, или наконецъ указать вліяніе на славянскіе народы греко-римской поэзіи и обрядовъ. Въ изслѣдованіи А. А. Потебни колядка поставлена цѣлью изученія, и уже различіе въ точкѣ зрѣнія на предметъ и въ отношеніи къ предмету изслѣдователя повело къ новымъ выводамъ и умозаключеніямъ, такъ сказать, углубившимъ и расширившимъ фарватеръ научнаго изученія колядокъ. Въ изслѣдованіи г. Потебни колядки и щедривки разложены на составные элементы, разобраны по мотивамъ и разобраны съ большой эрудиціей и съ образцовой научной строгостью въ обоснованіи выводовъ внимательно провѣренными фактами.

Въ первой главѣ изслѣдованія говорится о размѣрѣ колядокъ и щедривокъ. За немногими исключеніями, отчасти объясняемыми смѣшеніемъ и взаимодѣйствіемъ поэтическихъ формъ, стихъ малорусской колядки есть (5+5) съ припѣвомъ. Встрѣчаются небольшія уклоненія размѣра отъ нормы, или увеличеніе числа слоговъ до 6, или уменьшеніе до 4. По размѣру, при сходствѣ содержанія, къ одному разряду съ малорусскими колядками относятся галицкія весеннія (царинныя), бѣлорусскія волочебныя, или великоднія и великорусскія «виноградья», или колядки съ припѣвомъ «виноградье красно-зеленое». Щедривкамъ преимущественно свойственъ размѣръ (4+4)

Изрѣдка четырехсложная стопа замѣняется пяти и шестисложной. Размѣръ греческихъ колядокъ (8+7) не сходенъ съ славянскими, а размѣръ румынскихъ (5+5, 4+4, 6+6) указываетъ на связь ихъ съ славянскими.

Во второй главѣ говорится о времени колядованья и щедрованья. Малорусская колядка—рождественская величальная пѣсня, затѣмъ славленіе, самый обходъ съ такими пѣснями—примыкаетъ къ малорусскому-же тѣсному значенію слова коля́да—вечеръ 24 декабря. Это значеніе древнѣе восточно-малорусскаго обычая начинать колядованье съ вечера перваго дня Рождества Христова. Гоголь («Ночь подъ Рождество») могъ еще въ полтавской губерніи зазнать обычай начинать коляды съ «багатои кутьи», т. е. 24 декабря, существованіе коего подтверждается старинными сѣверными и южными и новыми свидѣтельствами, Стоглавомъ, царскими и патріаршими указами, густинскою лѣтописью, этнографическими статьями Купчанки, Шейна.

Изъ словъ, относящихся къ колядованію, въ этой главѣ объяснены самое слово коляда въ разныхъ его значеніяхъ, малорусское слово ралець, встрѣчающееся въ старинныхъ царскихъ грамотахъ и нынѣ въ Галиціи слово полазъ, названія Усень, Овсень, Авсень, Таусень, Бауцень. Считая названія Овсень, Таусень производными изъ пѣсеннаго произношенія Усеня: ой Усень, та Усень, А. А. Потебня за основную форму принимаетъ Усень и сближаетъ слово *усень* по корню съ литовскимъ *auszra*, латинскимъ *aurora*, санскрскимъ *усра*, *ушас* утренняя заря, утро, заря, какъ божество. Такое объясненіе Усеня представляетъ тотъ, такъ сказать, практическій интересъ, что разъясняетъ свойственное многимъ колядкамъ начало съ восхода солнца: «ой рано, рано сонце сходило», или съ однихъ словъ: «ой рано, рано», «ой раненько».

Въ третьей главѣ излагается цѣль колядокъ и щедривокъ, согласно съ тѣмъ, какъ она опредѣлена въ самихъ пѣсняхъ, въ послѣсловіяхъ, или «поколядяхъ». Цѣль эта—«димъ звеселити». Хотя иные поэтическіе мотивы колядокъ и щедривокъ, говоритъ А. А. Потебня, между прочимъ, взятые изъ христіанскихъ легендъ, первоначально ничего общаго съ величаньемъ не имѣютъ; но и они въ значительной степени подчинены главной цѣли этихъ пѣсенъ, именно величанью, возведенію лица, къ коему обращена пѣсня къ идеаль-

нымъ положеніямъ: къ значенію міровому, къ высокому общественному положенію, къ блеску богатства, мудрости, благочестія, удали, красоты... На всѣхъ ступеняхъ развитія потребность счастья, блеска, могущества требуетъ удовлетворенія хоть въ мечтѣ. Тѣмъ болѣе способно на время утолить эту жажду нѣчто столь объективное, какъ пѣсня. Даже нынѣшній культурный человѣкъ не могъ-бы подавить свѣтлой улыбки, если-бы ему и о немъ спѣли:

На коня садится, подъ нимъ конь бодрится;
Ой по лугу ѣдетъ—лугъ зелѣнѣетъ;

но несравненно важнѣе значеніе величальной пѣсни для людей прежнихъ. Чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ обычнѣе и крѣпче вѣра въ способность слова однимъ своимъ появленіемъ производить то, что имъ означено. На такой вѣрѣ основаны всѣ поздравленія и проклятія. Они и до нынѣ держатся не только одною инерціею, но и самой этой вѣрой»... Указавъ далѣе на различныя проявленія внесенія поэтическаго образа въ объясняемое и на важное значеніе въ жизни и въ поэзіи заключенія по почину, т. е. наклонности человѣка настоящее, какъ начало ряда событій, считать образомъ будущаго, А. А. Потебня замѣчаетъ, что обрядныя величанья пережили время господства миѳическаго мышленія, сохранивъ лишь ту практичность, которая составляетъ неотъемлемое свойство поэзіи. «Вѣра въ непосредственную силу слова, какъ явленіе господствующее, могла остаться далеко позади, и тѣмъ не менѣе колядка могла остаться при практическомъ значеніи другаго рода, какъ пожеланіе, какъ попытка водворить «въ человѣцѣхъ благоволеніе». Отсюда естественно вытекаетъ, что колядки изображаютъ свѣтлую, желанную сторону жизни, и колядники—«гости ли́обыи, угодные».

Въ той-же главѣ находятся спеціальныя замѣтки по детальнымъ вопросамъ, о сочетаніи понятій и словъ «свѣтъ, зелень, веселье, слава» въ приложеніи къ колядкамъ, о значеніи словъ чары и ворожба, о частныхъ случаяхъ безсилія мысли разграничить воспріятіе съ одной стороны и его пониманіе съ другой, о припѣвѣ «ой лелю» и родственныхъ съ нимъ литовскихъ и румынскихъ припѣвахъ.

Въ IV главѣ, начальной въ разсмотрѣніи мотивовъ, рѣчь идетъ о мотивѣ: колядники будятъ господаря и сказываютъ ему радость

на дворѣ. Въ однѣхъ колядкахъ мотивъ этотъ изложенъ ясно и опредѣленно, въ другихъ онъ затемнился; обращенія «чи чуешъ», «встань гори» и проч. теряютъ связь съ дальнѣйшимъ содержаніемъ колядокъ и становятся припѣвомъ, какъ-бы формальнымъ опредѣленіемъ категоріи этихъ пѣсенъ. Особенно подробно разобрано встрѣчающееся въ началѣ болгарскихъ пѣсенъ выраженіе «Станенине», съ разъясненіемъ его происхожденія изъ «въ(з)стани нынѣ». При разсмотрѣніи означеннаго мотива приняты во вниманіе тѣ случаи, когда господаря будитъ «ластивка», «зозуля», «соловей».

Въ V главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: «зоря (утренняя звѣзда) зоветъ, сказываетъ вѣсть, радость», въ зависимости и въ связи съ народно-поэтическими представленіями мѣсяца и звѣзды денницы, ихъ видимой близости и видимаго удаленія, какъ любовнаго свиданія и брака, ссоры и разлуки.

Въ VI главѣ рѣчь идетъ о мотивѣ «Три радости. Богъ, царь или панъ зовутъ, дарятъ», насколько проявляется этотъ мотивъ въ колядкахъ, волочебныхъ пѣсняхъ и свадебныхъ величаньяхъ. Между прочимъ здѣсь высказано замѣчаніе, что баллада Мицкевича «Будрысъ и его три сына» въ общемъ представляетъ величальный мотивъ: «съ трехъ дорогъ три корысти», причемъ дорога понята въ тѣсномъ смыслѣ, какъ путь, военный походъ.

Въ VII главѣ разсмотрѣно величаніе воловъ, сохи, плуга, оранья и сѣянья. Величаніе этихъ предметовъ и дѣйствій есть величаніе хозяина, его радость. Съ величаньемъ плуга связаны различные обряды, обходъ съ плугомъ, символическое паханіе и т. п., а также различныя поэтическія сказанія, въ родѣ скиѳскаго сказанія о Таргитаусѣ и трехъ его сыновьяхъ.

Въ VIII главѣ, въ связи съ предъидущимъ мотивомъ, разсмотрѣнъ мотивъ «Богъ оретъ, святые помагаютъ», въ результатѣ котораго урожай, сборъ хлѣба; въ концѣ главы приведены нѣкоторыя относящіяся сюда апокриѳическія сказанія.

Въ IX главѣ говорится о мотивѣ: «сѣяніе, вѣяніе золота, серебра», съ ссылкой на латышскія пѣсни, гдѣ солнце сѣетъ чистое серебро. По этому мотиву царинныя пѣсни (у Лемковъ) сближаются съ колядками, причемъ самый образъ «засѣванія золотомъ» имѣетъ прямое отношеніе къ урожаю. Видоизмѣненіемъ мотива сѣянія золота и серебра представляется мотивъ объ ораніи копьемъ или

мечемъ и сѣяніи стрѣлами, мотивъ, восходящій по времени къ «Слову о Полку Игоревѣ».

Въ X главѣ говорится о мотивѣ: «Господь обходитъ дворъ величаемаго, считаетъ скотъ, мѣряетъ деньги» и пр.

Въ XI главѣ мотивъ: «Господь со святыми или святые обходятъ хозяйское поле».

Въ XII главѣ мотивъ: «Господарь готовится встрѣчать, угощать годовыхъ гостей, колядниковъ, Бога или святыхъ». Въ этой главѣ, между прочимъ, указано на сближеніе въ колядкахъ гостя и Бога, Бога и Дали и указано на значеніе словъ «молить» въ смыслѣ приносить въ жертву, зарѣзать, и «молитва», въ смыслѣ каши, кутьи, жертвеннаго блюда. «Такія черты колядокъ, какъ обходы Бога и святыхъ, умноженіе ими добра, приглашеніе ихъ въ домъ и угощеніе, изображеніе урожая, ведутъ къ сближенію колядокъ съ обжиночными пѣснями»,—говоритъ г. Потебня и разсматриваетъ при этомъ обряды съ снопомъ «дѣдомъ» и съ хлѣбомъ «крачуномъ». Особенный интересъ представляетъ новое объясненіе встрѣчающагося въ бѣлорусскихъ обжиночныхъ и въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ слова «рай». Принимая во вниманіе сходство свадебныхъ пѣсенъ съ обжиночными по размѣру и содержанію, А. А. Потебня допускаетъ переходъ свадебныхъ пѣсенъ въ дожиночныя и тожественность нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ нихъ образовъ и выраженій, въ частности рая, причемъ слово «рай» въ свадебныхъ пѣсняхъ служитъ эпитетомъ коровая, а въ обжиночныхъ пѣсняхъ—эпитетомъ жатвеннаго вѣнка или снопа. Происхожденіе-же самаго эпитета «рай» объяснено изъ свадебныхъ пѣсенъ, гдѣ коровай посланъ отъ Бога, «зъ раю», и изъ свадебнаго-же наименованія обряднаго деревца гильца или вильца райскимъ деревцомъ, рай-деревцомъ или только рай. Выходитъ въ данномъ случаѣ, что существительное аттрибутивное, вытѣснивъ свое опредѣляемое, стало на его мѣсто.

Въ XIII главѣ разобранъ мотивъ: «Обходъ съ козою», въ связи съ относящимися сюда святочными обрядами и въ связи съ дожиночнымъ завиваніемъ бороды (Волосу, Ильѣ, Спасу). И пѣсни, и обряды, сюда относящіеся, представляютъ остатокъ вѣрованія, что душа нивы, сѣножати и растенія вообще есть «козло» или козообразное существо (какъ и Фавнъ, Сильванъ), преслѣдуемое жне-

цами и скрывающееся въ послѣдній не сжатый пукъ колосьевъ или послѣдній снопъ.

Въ XIV главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: «солнце, мѣсяцъ и дождь, или два святые и Богъ спорятъ о силѣ», въ связи съ подобными сказочными мотивами, причемъ указано на связь мѣсяца съ морозомъ въ пѣсняхъ, повѣрьяхъ и загадкахъ. Далѣе разобранъ мотивъ: «три овчаря или одинъ овчарь съ тремя трубами», съ указаніемъ, что въ колядкахъ съ этимъ мотивомъ заключена апоѳеоза овчаря и его трубы, причемъ до-христіанскіе образы небесныхъ музыкантовъ и пастуховъ, каковы, между прочимъ, Панъ, Аполлонъ, Гандарвы, замѣнены Богомъ и святыми, Николаемъ, Юріемъ и др.

Въ XV главѣ разобранъ мотивъ: «чудесное дерево; съ него три корысти», съ указаніемъ, между прочимъ, на моравскій обычай носить, во время колядованія «счастье»—березовую или хвойную вѣтку, украшенную яблоками и кусочками сукна. «Отождествленіе чудеснаго дерева (колядокъ), говоритъ А. А. Потебня, съ вѣтвистыми облаками не только не противорѣчитъ земному происхожденію этого образа, но прямо предполагаетъ его. Человѣкъ, заключая отъ близкаго и извѣстнаго къ далекому и неизвѣстному, переноситъ на небо свою земную обстановку и затѣмъ, когда этимъ она измѣнена, освящена и возвеличена, приписываетъ ей, въ ея земномъ видѣ, свойства, полученныя ею на небѣ. Такъ установляется идеальная связь мірозданія... Трудность изслѣдованія заключается между прочимъ въ опредѣленіи того, на какой точкѣ своего пути отъ близкаго къ далекому и обратно мысль захватила тѣ или другіе признаки». При разсмотрѣніи коляднаго мотива о чудесномъ деревѣ подробно разобраны многія сюда относящіяся пѣсенныя детали: «птица на верху дерева, кипарисное дерево, гусли, райское дерево плыветъ, дерево везутъ». Указывая на основное религіозно-миѳическое происхожденіе обрядовъ и пѣсенъ разсматриваемаго мотива, профес. Потебня выдѣляетъ возможные апокриѳическіе элементы, заимствованные изъ «Бесѣды Іерусалимской» и изъ «Сказанія о крестномъ деревѣ».

Въ XVI главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: «орелъ или соколъ сидитъ на деревѣ и говоритъ съ рыбой; орелъ перо ронилъ».

Въ XVIII главѣ—мотивъ: «три сокола; добыча ихъ (перепелъ, рыба и проч.)—пану корысть». Обобщеніемъ добычи соколовъ служитъ то, что они приносятъ господину радость, «здравіе и веселіе».

Въ XVIII главѣ—мотивъ: «соколъ, хортъ и конь»; соколъ несетъ рыбу, хортъ куницу, конь ведетъ стадо—все на радость пану, домохозяину.

Въ XIX главѣ—мотивъ: «соколъ или орелъ переноситъ невѣсту черезъ воду. Соколъ—сватъ». Въ этой главѣ находятся замѣтки о присутствіи разсматриваемаго мотива въ былинахъ о Михаилѣ Казарянинѣ, указаніе возможнаго происхожденія слова Казарянинъ отъ личнаго имени Козаринъ и разложеніе былинъ о Казарянинѣ на составныя части (описаніе коня, полонянка, кровосмѣшеніе и проч.). Останавливаясь на запѣвѣ: соколъ видитъ то-то, запѣвѣ, обусловленномъ стремленіемъ пѣвцовъ къ конкретности образа, А. А. Потебня разбираетъ малорусскую думу объ Олексіи Поповичѣ, причемъ разсматриваетъ сначала запѣвъ ея: «на Чорномъ морѣ, на камнѣ сидитъ соколъ и поглядаетъ на море», гдѣ начинается буря, затѣмъ. «въ видѣ отступленія», останавливается на нѣкоторыхъ другихъ чертахъ думы, на обычномъ дѣленіи идеальнаго поля зрѣнія на три части (судна козацкія буря разбила на три части и разнесла на три стороны) и выкупѣ головою. Не находя повода производить малорусскаго Алексѣя Поповича отъ былиннаго Алеши Поповича, А. А. Потебня находитъ возможнымъ происхожденіе основныхъ мотивовъ думы изъ пѣсенъ южныхъ славянъ, причемъ вниманію читателя предлагается замѣчательная болгарская пѣсня про Станковича Дуку (изъ сборника Миладиновыхъ, стр. 65), гдѣ изъ стихій малорусской думы находятся: буря на морѣ, исповѣдь грѣшника, главный его грѣхъ противъ матери и сестры и поздравленіе слушателямъ.

Въ XX главѣ разсмотрѣны мотивы объ оленѣ и турѣ: лань указываетъ охотнику невѣсту; олень обѣщаетъ стать въ пригодѣ: олень или туръ N—у корысть; на рогахъ оленя величаемая дѣвица или молодецъ. Въ изображеніи охоты «за чорнымъ туромъ» въ малорусскихъ колядкахъ А. А. Потебня усматриваетъ древнія бытовыя черты, напоминающія охоты Владиміра Мономаха, причемъ тѣ малорусскія колядки, въ которыхъ говорится, что «газдыня» посылаетъ слугъ поймать въ шелковыя сѣти «дивнаго звиря тура—оленя», относитъ ко времени гораздо раньше конца XVI ст., когда туръ (Urus) большой дикій быкъ, черный, съ свѣтлою полосою вдоль спины былъ еще обычной дичью.

Въ XXI главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: «куна въ дереви, дивка въ тереми», съ разъясненіемъ «законныхъ рѣчей» про куницу во время сватовства.

Двадцать первой главой въ третьей книжкѣ «Русск. Филолог. Вѣстн.» 1885 г. (вышла въ ноябрѣ) изслѣдованіе А. А. Потебни не оканчивается. Вѣроятно, еще долго будетъ тянуться печатаніе этого почтеннаго труда, такъ какъ за два года напечатано всего около половины изслѣдованія. Судя по тому, что напечатано, можно надѣяться, что предпринятое А. А. Потебней разложеніе колядокъ на мотивы, обстоятельный обзоръ ихъ содержанія, при полномъ вниманіи ко всѣмъ мелочамъ колядокъ относительно образовъ и словъ, вообще въ высшей степени тщательный и подробный научный анализъ дастъ возможность опредѣлить внутреннее родство колядокъ и свести ихъ въ нѣсколько семействъ.

Останавливаясь на детальныхъ вопросахъ, г. Потебня часто предлагаетъ объясненія непонятныхъ или малопонятныхъ малорусскихъ словъ и выраженій. Вообще въ изслѣдованіи разбросана масса замѣчаній о лексической сторонѣ малорусскаго языка.

При сравнительно-литературномъ изученіи колядокъ и щедривокъ, опирающемся на сопоставленіи сходныхъ колядочныхъ мотивовъ разныхъ народовъ, въ сторонѣ, въ тѣни, остается проницающее ихъ народное начало, своеобразныя черты народности, краевыя особенности. Между тѣмъ, національная окраска колядокъ и щедривокъ, выражающаяся въ своеобразіи поэтическихъ, нравственныхъ и бытовыхъ мотивовъ, представляетъ большой и разносторонный интересъ, какъ выраженіе того, чѣмъ живетъ и держится нынѣ колядка. Печать духа народнаго лежитъ на общемъ складѣ колядокъ и щедривокъ, и на отдѣльныхъ ихъ подробностяхъ. Отъ степени народности пѣсни зависитъ степень ея нравственной убѣдительности и поэтической силы. Проникающимъ колядки народнымъ началомъ часто скрадывается недостатокъ разработки взятаго мотива и сложный составъ колядки изъ элементовъ, возникшихъ въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ.

При изученіи миѳической стороны колядокъ и щедривокъ также сплошь и рядомъ упускаются изъ виду ихъ поэтическія и нравствен-

ныя стороны. Между тѣмъ бытовая правда и нравственныя черты колядокъ имѣютъ цѣну и для этнографа, и для историка культуры. О миѳическомъ значеніи добраго молодца и красной дѣвицы народъ давно забылъ, и миѳическій элементъ потерялъ для него всякое значеніе, тогда какъ проникающіе колядки поэтическіе и нравственные элементы продолжаютъ дѣйствовать на народъ въ воспитательномъ смыслѣ. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующую превосходную колядку въ честь домохозяина и въ особенности его жены:

У нашого пана хороша пани,
Богъ ёму давъ славную жену въ ёго дому!
По двору ходыть, якъ мисяць сходыть:
По синцяхъ ходыть, якъ зоря сходыть.
Садыла сынки въ чотыри рядки,
Садыла дочки въ три рядочки.
Сыночки зросли—у школу пишлы.
А дочки зросли—у швачки пишлы.
Сыночки идуть—книжечки несуть,
А донечки идуть—хусточки несуть:
Книжечки на стилъ, батеньку до нигъ.
А донечки хусточки на пилъ, матюнци до нигъ.

(Чуб., т. III, стр. 404).

Что тутъ можно взять для миѳологіи, исторіи или литературнаго заимствованія? Очевидно, ничего. Между тѣмъ, превосходное поэтическое и нравственно-воспитательное произведеніе на лицо; оно вошло въ сборникъ Метлинскаго, потомъ Чубинскаго, и отсюда можетъ быть извлечено съ извѣстными нравственно-практическими цѣлями; оно до сихъ поръ циркулируетъ гдѣ-нибудь въ глуши, на Волыни или въ Полтавщинѣ, заключая въ себѣ идеальныя стремленія крестьянина къ возможно-лучшему устройству семейной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше, полнѣе и нравственнѣе нарисованной въ колядкѣ картинки крестьянской семейной жизни: домохозяйка—хорошая жена, хорошая мать; сыновья грамотны; дочки—мастерицы шить; дѣти признательны, благодарны родителямъ и чествуютъ ихъ въ великій день праздника Рождества Христова. О самомъ домохозяинѣ въ колядкѣ не говорится: достаточно, что у него такая хорошая жена, такія благовоспитанныя дѣти. Похвалой

семьи похваляется уже и самъ хозяинъ, по тому соображенію, что отличное въ нравственномъ отношеніи положеніе семьи необходимо предполагаетъ въ отцѣ семейства человѣка разумнаго и нравственнаго. Нельзя не замѣтить, что въ колядкѣ, между прочимъ, отразился народный взглядъ на ученіе, грамотность, книгу, какъ на благо, при томъ условіи, когда между родителями и дѣтьми сохраняется тѣсная нравственная связь.

Подобнымъ житейскимъ, бытовымъ характеромъ отличаются многія другія колядки и щедривки, можно сказать, значительное большинство колядокъ и щедривокъ. Одинъ разрядъ колядокъ прославляетъ домохозяйку, сыновей и дочерей домохозяина; другой разрядъ состоитъ въ обрисовкѣ желаемаго довольства, богатства, представляемаго осуществившимся. Похвала женѣ выражается, между прочимъ, словами:

Хорошую жинку маешъ,
Хорошенько еи поважаешь:
Якъ чашечка у меду,
Якъ барвинокъ у саду,
Якъ барвинокъ въ саду процвитае.

(Чуб., т. III, стр. 453).

Похвала сыну выражается въ указаніи, что онъ собирается жениться, «коня строитъ,» чтобы привести отцу хорошую «невѣстку'» не изъ тѣхъ дивчатъ, что «танокъ водять», а изъ тѣхъ, что на «хорошей нивѣ», за которыми «снопки густыи» (Чуб., т. III, стр. 416, 464). Похвала дочери въ словахъ: «до церкви йшла, якъ зоря зойшла, а зъ церкви йшла красною панною»; паны ее встрѣчаютъ, шапки снимаютъ». (Чуб., т. III, стр. 395).

Обрисовка желаемаго богатства и довольства выражается въ колядкахъ и щедривкахъ обыкновенно въ той формѣ, что Господь ходыть «по обори и лагодыть волы по три плуги, бычки—третячки та й по чотыри; ходыть по стаенци и лагодыть кони на три бороны, лошаки—стрижаки та й по чотыри; ходыть по току, та й все лагодыть, кладе стижкы та й въ три рядки, яру пшеницю та по чотыри; ходыть по пасици, та й все лагодыть пчолки на три ряды» и т. д. (Чуб., т. III, стр. 347). Во многихъ колядкахъ и щедривкахъ разработываются отдѣльные мотивы этихъ пожеланій—о хорошемъ урожаѣ

хлѣба, о большомъ приплодѣ скота (Чуб., т. III, стр. 454), о роеніи пчелъ, напримѣръ, въ слѣдующей превосходной бытовой колядкѣ:

Шумить, гуде, дубровою йде...
Пчолонька-мати пчолоньку веде:
Пчолоньки мои, дитоньки мои,
Ой дежъ мы будемъ при саду мати
Рои роити и меды носити?
Будемо мы при саду рои роити
И меды носити у пана-господаря,
У ёго бортяхъ и въ ёго новыцяхъ:
Медокъ сладокъ пану-господару,
Жовтые воски Богу на свичу.
За симъ же словомъ дай бувай здоровъ.
(Чуб., т. III, стр. 392.)

Колядка приведена цѣликомъ, какъ вполнѣ житейская, спѣтая колядовщиками отъ добраго сердца, передъ домомъ пчеловода, для послѣдняго радостная, пріятная.

Житейская, бытовая сторона колядки большею частью обнаруживается въ началѣ, въ первой строкѣ, или въ первыхъ двухъ-трехъ строкахъ, даже въ такихъ колядкахъ, дальнѣйшее содержаніе которыхъ состоитъ изъ окаменѣвшаго миѳологическаго элемента или изъ апокриѳической религіозно-христіанской легенды; напримѣръ: «Въ господара остроженный двиръ» (затѣмъ мотивъ о томъ, какъ жиды Христа мучили) (Чуб., т. III, стр. 136). «Остроженный» въ данномъ случаѣ означаетъ то, что колядка запѣта впервые передъ дворомъ крестьянина, огороженномъ плетнемъ съ «острогомъ», т. е. широкимъ плетневымъ верхомъ съ соломой. По другому запѣву:

Ой знати, знати пана-господара:
Въ нёго хата зъ сосны, зъ ялыны,
Вся малевана. (Чуб., т. III, стр. 143)...

Къ домохозяину обращаются съ просьбой «застилать столы тесовыи обрусомъ» (Чуб., т. III, стр. 337); въ колядкахъ «вси святыи ослономъ сили» (Чуб., т. III, стр. 344, 351).

Кромѣ бытоваго, житейскаго интереса, колядки и щедривки заслуживаютъ вниманія еще съ точки зрѣнія народной психологіи.

Въ особенности любопытно прослѣдить процессъ ассимилированія и усвоенія инородныхъ элементовъ, постепенныя градаціи въ приближеніи заимствованнаго поэтическаго мотива къ основному, краевому духовному складу и пониманію. И въ Франціи, и въ Румыніи, и въ Греціи, и въ Малороссіи, во всѣхъ христіанскихъ странахъ извѣстны евангельскіе разсказы о рождествѣ Спасителя, Его крещеніи, проповѣди, страданіяхъ и крестной смерти; повсемѣстно разсказы эти производили глубокое впечатлѣніе на народъ и находили мѣсто въ народной поэзіи. При всемъ томъ, каждый народъ разработалъ эти религіозно - христіанскіе мотивы самостоятельно, по тѣмъ бытовымъ даннымъ, которыя представила ему его собственная семейная жизнь, его понятія объ истинѣ и добрѣ. Тутъ можно открыть весьма характерныя національныя черты.

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ содержаніи колядокъ и щедривокъ попадаются болѣе или менѣе крупные отрывки изъ свадебныхъ пѣсенъ напримѣръ, у Чубинскаго, т. III, §§ 131, 135, 140, 141, 122 и нѣкоторые другіе. Одна щедривка (у Чуб., т. III, стр. 441) представляетъ духовный стихъ, сложенный, по видимому, по случаю обрѣтенія чудотворнаго креста или, что болѣе вѣроятно, по случаю освященія воды 6 января «на Ордани». Въ иныхъ щедривкахъ попадается и Василь, и Василекъ, по тому поводу, что предстоитъ праздникъ Василія В.; напримѣръ, въ щедривкахъ у Чубин., т. III, стр. 467. Въ одну щедривку вклеена веснянка ѳ ремезѣ: «Ой ремезо, ремезочку, не клади хаты на ледочку» и пр. (ib. стр. 450).

Еще одно отступленіе, въ заключеніе статьи. Въ послѣднее время малорусскіе поэты представили нѣсколько стихотвореній на колядочные и щедривочные мотивы. Такъ въ «Ворсклѣ» Я. И. Щоголева находится «Колядка», гдѣ среди свойственыхъ колядкамъ «вина» и «пирожечкивъ» попадаются нѣсколько чуждыхъ имъ чертъ: большія комнаты домохозяина и бѣлыя руки хозяйки. Въ «Риздвяной ночи» г. Старицкаго находится нѣсколько искусственныхъ колядокъ. Въ колядкѣ «Чи дома, дома бидная вдова» есть черты, чуждыя народу, по крайней мѣрѣ, народной поэзіи, въ частности колядкамъ. «Бидная вдова» встрѣчается изрѣдка въ народныхъ пѣсняхъ, напримѣръ въ думѣ о Коновченкѣ, въ думѣ о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ, но въ колядкахъ не встрѣчается. Колядка—пѣсня свѣтлая, радостная, а тутъ вдова, да еще «бѣдная». Вѣяніе золота приписано вдовѣ,

что противно народной поэзіи, гдѣ золото вѣетъ добрый молодецъ. Далѣе: «вдовы не мае дома, пишла до Бога»—мотивъ совсѣмъ не народный, тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ неумѣстный, что выраженіе «пойти до Бога» служитъ у простаго народа описательнымъ названіемъ смерти, кончины человѣка. Колядка «Ходывъ—походывъ мисяць по небу» вполнѣ безукоризненна по вѣрности народнымъ поэтическимъ мотивамъ и очень хороша по выдержанности и задушевности.

Искусственная поэзія можетъ многое почерпнуть въ колядкахъ и щедривкахъ, при условіи предварительнаго изученія колядокъ и щедривокъ, предварительной начитанности въ нихъ поэтовъ. Художественная группировка поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедривокъ всегда произведетъ на читателя чарующее впечатлѣніе, которое, однако, быстро теряется и замѣняется непріятнымъ ощущеніемъ фальсификаціи, разъ только проскочила черта, или двѣ-три черты, противныя общему складу народнаго міросозерцанія и поэзіи, въ особенности въ случаѣ ихъ противорѣчія основному характеру даннаго рода или вида поэтическаго творчества.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 1-го февраля 1886 года.